

Татьяна Чебатуркина

ЗАГОВОР ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Татьяна Чебатуркина

Заговор вероятностей

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Заговор вероятностей / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901128-2

Новый роман «Заговор вероятностей» — о любви, которую главные герои пронесли через всю жизнь. Они встретились случайно глубокой ночью на станции Тихорецкая. У обоих были путевки по туристическому маршруту «Псебай — Красная Поляна». Десять неповторимых дней в горах Кавказского заповедника, преодоление трудностей в непростых условиях и влюбленность, которая захватывает героев. Они решают никогда не расставаться. Но жизнь не предсказуема. Последующие встречи неожиданны и тоже случайны...

ISBN 978-5-44-901128-2

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Железноводск. Начало	6
Глава 2. Встреча	9
Глава 3. Пробный поход	14
Глава 4. Иван	21
Глава 5. Семья	26
Глава 6. Горы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Заговор вероятностей

Татьяна Чебатуркина

«Нужно верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым».

Лев Николаевич Толстой.

«Пока жив, главное, – не потерять радость жизни. Нет здоровья физического, есть здоровье душевное. Преодолевай и живи!»

Евгений Евтушенко.

«Вероятность математическая – это числовая характеристика степени возможности появления какого-либо определенного события в тех или иных определенных, могущих повторяться неограниченное число раз условиях».

А.Н.Колмогоров

«Необходимо дать учащимся представление о вероятности как об объективном свойстве случайных событий, которые происходят независимо от нашего сознания и частота появлений которых не зависит от того, что мы думаем об их появлении или не появлении».

В.Н.Студенецкая

Редактор Ольга Ананьева

Иллюстратор Наталья Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2017

© Наталья Ананьева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1128-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Железноводск. Начало

Нетерпеливое ожидание – вот, что роднит и взрослых, и детей. Воображение рисует картины, которые остались в памяти от прошлого, – неясные, неявные, с потертыми краями, – и ты жаждешь повторения. У тебя уже готовы новые кисти и загрунтованный подрамник, чтобы брызнуло вновь красками обновления то незабываемое счастливое время, которое ты не забыла, как не старалась. Которое засело в сокровищнице сознания и которое в нужный момент всегда возможно извлечь, даже без налета пыли, только слегка в штриховке былого очарования и свежести чувств прошедшей молодости.

И, как только утром, за окном купе возник, стал проявляться, как на фотобумаге, после ночного полумрака и мелькающих безразличных огней пролетающих километров знакомый пейзаж, ты уже в ожидании нового, невозможного счастья, и сердце в беспокойстве торопит минуты.

А поезд так смело кружит среди холмов и возвышенностей. И закладывает уши, как в самолете. И на фоне пролившейся утренней голубизны неба вдруг вырастают горбы вздыбившейся когда-то земной поверхности. И это уже начало края гор, их предчувствие.

Разбросанные по равнине, обжитые и изрезанные дорогами, с бывшими когда-то разработками щебенки, без снежных вершин, – но это горы.

Человеку, выросшему в степи, возвышенности, похожие на гигантские шапки неведомых великанов, потерянные когда-то на поле брани, как предупреждение, – это вступление на чужую неведомую территорию. И вспоминаешь стихи русских поэтов, воспевших Кавказ.

А поезд на скорости, пытаясь взять приступом явную высоту, заваливается в грозное пике, изгибается, как гигантская змейка. И видишь одновременно и голову, и хвост состава, словно игрушечного, под этим бездонным небом с забирающимся по своим невидимым ступенькам довольным солнцем, умытым ночным дождем.

А пассажиры забыли про чай и завтрак, прилипли к окнам, и только отмахиваются от назойливых просьб проводников сдать постель.

Светлана Сергеевна купила в Волгограде, не подумав, почему-то билет до Кисловодска, но теперь решила выйти в Пятигорске, чтобы глотнуть воздуха воспоминаний, и посмотреть, как изменился город за прошедшие пятнадцать лет.

Облом произошел в Минеральных Водах. Поезд, пока менялись бригады, простоял двадцать пять минут. Кондиционеры выключились, и сразу все будущие курортники облились потом. Можно и нужно было вылезти именно здесь, на этой узловой станции, и сейчас на такси уже подъезжала бы к санаторию в Железноводске, но что-то остановило.

Таксист лихо провез по центральным улицам Пятигорска, расхваливая свой родной город с южным многословием, и уверенно вывернулся прямо у ворот санатория с великолепным названием царя кавказских гор – Горы Счастья.

В Интернете отзывы были самые положительные, но особенно прельстило, что здания санатория находились у подножия горы Железной, в десяти минутах ходьбы до основных источников.

Роскошные кусты роз, чистота и огромные раскидистые, ухоженные деревья, заглядывающие в лоджии, отдыхающие на скамейках во внутреннем дворике между двумя корпусами, – и все эта праздничная обычность на фоне кучерявого, бархатного, темно-зеленого конуса огромной горы.

В одноместном номере, торопясь, поставила сумки, не переодеваясь, поспешила в столовую, где уже заканчивался обед. И даже сердце не дрогнуло, не подсказало, – только радость в ожидании отдыха в новом интересном месте.

Спустилась с третьего этажа в фойе, прошла через холл с большой стеклянной дверью, несколько мраморных ступеней вверх, и ее проводили к столику дежурной медсестры, возле которого в ожидании стоял с короткой стрижкой темных густых волос с проседью высокий худощавый мужчина в легкой спортивной куртке.

Он повернулся, и Светлана Сергеевна ахнула. Перед ней собственной персоной был Иван. И ведь в самом закрученном сне она не могла такое представить.

Стук ложек и вилок, сдержанный гул двух переполненных залов, легкая музыка, что-то объясняющая медсестра, – Светлана Сергеевна послушно прошла в конец зала, поздоровалась с заканчивающей обед парой и капризной девочкой шести-семи лет.

«Иван! Невероятно! И что? Опять дрожь в коленках? И ведь вот, что значит, учительская выучка – не показывать свои чувства! Да не выучка, а просто дряхлость чувств. Все отболело, запряталось внутрь, вглубь. Да и что можно ждать от женщины в сорок три года?»

Сделала вид, что осматривает зал, скользнула равнодушным взглядом, не выдала себя, только слегка зарделась. А когда села за стол, почувствовала, что запыхалась, и схватила стакан соком, вежливо улыбнулась, когда сосед по столу предложил остатки холодной окрошки в супнице, придвинул вазу с хлебом, тарелочку со свежей зеленью.

«Где же его посадили?» – в радиусе обзора Ивана не было. Вздрыгнула: «А вдруг он сзади, за ее сутулой спиной?»

«Да успокойся ты, наконец, и ешь свою холодную окрошку. Нужна ты ему сто лет. На таких древних бабушках, которые никак не угомонятся и бегают по санаториям, чтобы продлить свою драгоценную жизнь, у мужчин взгляды давно не останавливаются. Нет, но все равно интересное совпадение. Встреча почти через пятнадцать лет. Целая жизнь. Если бы тогда родила, сейчас были бы взрослые сын или дочь.

Так, где же его все-таки посадили? В этом или другом зале? Из столовой два выхода в два корпуса. Как проشمгнуть, чтобы еще раз не встретиться? И что это ты, Светлана Сергеевна, так забеспокоилась? Вспомни, как тогда расстались? И теперь через столько лет, – здравствуйте! Вы меня помните?»

На лестнице возле стола и развешенных планшетов с предлагавшимися экскурсиями молоденькая женщина записывала желающих. Возле нее, рядом с миловидной женщиной средних неуставленных лет стоял Иван.

И с большим апельсином в руках Светлана Сергеевна не сумела прошелестеть мимо с независимым видом.

– Света, здравствуй! – это же надо, даже имя не забыл. «Прикинуться изумленной, удивленной или сыграть перед многочисленной аудиторией, на публику радость долгожданной встречи?» Ничего не сообразила. Если честно, растерялась, как первокурсница, на экзамене по психологии.

– Здравствуй, Иван, – сказала тихо. Голос дрогнул, выдал напряжение. – Давно здесь?

– Первый день, как и ты.

Эти дежурные слова звучали, как разговор двух соседей с разных этажей, которые изредка встречаются в лифте или на тополиной аллее у подъезда уже лет десять. Знакомые лица, а не знаешь даже, как зовут. Да и зачем знать – чужие.

«Боже, какие мы старые! Спасибо краске для волос. Дважды в месяц замазываешь все дефекты, а иначе отливала бы сейчас серебром, как этот моложавый, загорелый, мой старый знакомый».

– Света, ты здесь уже была?

– Нет, в первый раз.

– А я в третий. Хороший санаторий.

«Нужно уйти. Извиниться и уйти, чтобы не рвать душу из-за этого пустого разговора, ничего не значащих фраз. Уйти скорее в номер, закрыться, лечь, отдыхать и вспоминать. Нет,

ничего не надо вспоминать. Наоборот, уйти на прогулку по широко разрекламированному парку к источнику».

И тут ее спасла медсестра:

– Светлана Сергеевна! Вот ваша курортная книжка. Вас ожидает врач на четвертом этаже соседнего первого корпуса.

И она с этим оранжевым апельсином в руке обрадовано побежала за медсестрой.

«Господи! И здесь теперь не будет покоя от мыслей. Ведь все уже в далеком прошлом, которое незачем ворошить. Да и без толку».

«Случайность главным образом зависит от нашего знания» – заметил Якоб Бернулли, но сейчас Светлане Сергеевне было не до теории вероятностей.

Вся ее жизнь стала заговором случайностей – заговором вероятностей.

Глава 2. Встреча

Как это важно, – быть утром в общей струе, в потоке нахохлившихся машин, солидарной с этими молчаливыми, сосредоточенными водителями, целеустремленными на работу, в детский сад, в школу с детьми. И такая одержимость, и обреченность одновременно среди бегущих, опаздывающих, торопящихся по хлюпающим лужам силуэтов без лиц под зонтами, зонтиками.

Но вот рабочая волна схлынула на сельской улице, и пустынно, одиноко на дороге, пока не зафырчит фургон со специфическими товарами, разрекламированными на бортах машины, или старенький колхозный молоковоз. Прихрамывая, не суетно, устремляется в аптеку, в почтовое отделение когорты неспешащих людей – пенсионеров, которые свое отбегали, и для которых даже поход в магазин, – событие. Главное – благополучно вернуться. И никто не обращает внимания на бегущую в спортивных шортах раскрасневшуюся спортсменку. А, может быть, какая-нибудь бабушка вздохнет, сравнивая свои распухшие варикозные коленки с длинными загорелыми ногами спортсменки...

Они встретились с Иваном на станции Тихорецкая глубокой ночью. Через десять дней Светлане должно было исполниться девятнадцать лет.

Проводница в двенадцать часов ночи растолкала Свету:

– Просыпайся! Смотри, через полчаса тебе выходить!

После удушающей потной жары в сонном вагоне пустынный перрон с редкими группами прибывших встретил легкой ночной прохладой с привычным запахом пропитанных топливом горячих шпал и неостывшего асфальта, ветерком от прощальных огней убежавшего к морю поезда, ставшего на недолгое время привычным, как домашние тапочки.

Огромные часы над тяжелой дверью, несмолкающий гул беспокойного простора вокзального зала, полностью забитого пассажирами, расположившимися в объятиях сна даже на расстеленных одеялах на полу под ярким пронзительным светом полыхающих под потолками люстр. И горы, кучи вещей, ящиков с фруктами, сумок, чемоданов – массовое летнее переселение народа на отдых, в гости, по работе.

Света стала одиноко в конец длинной очереди, разглядывая внутреннее убранство зала с дежурными кассами, медленных, среди ночи трущих мраморные полы швабрами и водой с хлоркой, сонных уборщиц, неумоимо покрикивающих:

– Поднимайтесь! Уберите вещи! Не спать!

И вдруг сзади:

– Девушка, а вам что дома не сидится? Не боитесь, что горцы умыкнут такую красавицу?

Или папа рядом с ружьем дежурит?

Света смутилась на секунду, но городская жизнь научила отшивать парней сразу, чтобы потом не пристали всерьез и надолго:

– А тебя вон мамочка зовет, – она кивнула на толстую тетку у стены с горой больших чемоданов и ящиков с абрикосами, ранним виноградом, которая кому-то махала рукой, подзывая к себе.

Парень расхохотался:

– Здорово приколола! Да моя мамочка уже лежала бы в глубоком обмороке, если бы увидела, с кем ее сравнили! Представляешь, преподаватель сопромата в техническом вузе среди мужчин, всегда в строгом темном костюме на тоненьких шпильках!

Света неожиданно сама для себя хмыкнула, потому что к тетке у стены подошли сразу трое крепких мужчин, взгромоздили себе на плечи, спины все узлы, ящики, и, согнувшись, заторопились к выходу на перрон. Туда устремилась новая толпа к подходившему пассажирскому составу, о прибытии которого, опоздав, объявила хриплым сонным голосом диктор

по радио. А сама женщина бодро проследовала за всеми, размахивая большой сумкой, плетеной из веревок.

– А у меня мама была проводницей! – Света покрепче прижала сумку с документами к себе под мышку, – дернет вдруг, и лови потом на темных улицах крупнейшей южной станции.

– Знаешь, когда я сидел на полигоне в Астраханской области в наряде, глядел на эти миллиарды звезд над головой, то мечтал: уйду в дембель, две недели отдохну, вообще ничего делать не буду, а потом устроюсь проводником на сибирские дальние маршруты. А что, катайся бесплатно, а тебе еще зарплату платят. Ты, наверное, насмотрелась на мир? Давай знакомиться. Иван, двадцать один год, только месяц, как из армии вернулся. Сам я из Ленинградской области. Да не бойся ты за свою сумочку! Вот мое водительское удостоверение. Вот паспорт. Нет, правда, а чего ты здесь ночью делаешь?

Света сразу обратила внимание, что парень был одет шикарно: светлые дорогие брюки, синяя трикотажная рубашка с короткими рукавами, заграничная бейсболка, на ногах – легкие спортивные туфли-мокасины. И огромный, альпинистский, плотно набитый вещами, поношенный рюкзак с множеством карманов.

– Еду. Вернее, скоро поеду. А тебя куда, нелегкая, несет из Ленинграда? – Света передвинула свою синюю набитую спортивную сумку поближе к окошку кассы.

– А я прилетел на самолете в Краснодар, и, представляешь, на местные самолеты АН-2 нет ни одного свободного места. Приходится ехать с пересадками, в общем вагоне. Мне до Армавира, а потом автобусом до гор, до поселка Псебай.

Света испугалась: «Может ли быть такое совпадение? Сошли с двух разных поездов с интервалом десять или пятнадцать минут в глуши ночи, стали друг за другом в одну кассу?

– У тебя путевка Псебай – Красная Поляна? – она спросила, но почему-то на сто процентов была уверена в положительном ответе.

– Да. А ты кто? Ясновидящая? – Иван крепко схватил Свету за локоть, но она резко освободилась от обхвата, наклонилась, придвинула сумку прямо под ноги.

Очередной дядька отошел от кассы, но Света не успела даже ойкнуть. Иван выхватил у нее из руки белый листок билета, приложил к нему коричневую картонку своего билета, и, заглядывая в окошечко, пожелал здоровья чихающей от сквозняков кассирше:

– Нам закомпостируйте, пожалуйста, два билета на ближайший поезд на Армавир.

– Через сорок минут пройдет, успеете! – она внимательно посмотрела на Свету. – Что, пристаёт к тебе, девочка, этот красавец? Давай, я дежурного милиционера позову!

Света растерялась:

– Да нет, спасибо. Не надо. У нас с ним путевки в одно место.

– Ой, смотри, дочка! Не верь ты его словам! Чтобы не обидел ночью!

Иван положил оба билета в нагрудный карман рубашки:

– Как тебя все-таки зовут? Отмолчалась. И правильно делаешь, что ребятам не веришь. У нас, у парней, когда девчонку симпатичную увидим, сразу стойка охотничья: – А вдруг моя судьба? Вот я сейчас, после армии, свободен, как ветер. Буду со всеми девчонками знакомиться, приставать буду, лезть целоваться. Просидел на полигоне два года – теперь буду отрываться.

– Ты слишком много говоришь, – Света огляделась, но нигде в зале не было ни одного свободного места. Люди дремали, спали на лавках, стонали во сне, пугая соседей, не обращая внимания на яркий беспощадный свет в лицо.

– Как тебя зовут? Я тебе все документы показал, почти все про себя рассказал. А ты молчишь, как стена. Может, у тебя имя неважное? Не переживай, – вырастешь и сменишь. А рюкзак с собой взяла, Ефросинья? – он подхватил свой рюкзак на плечо, схватил Светину сумку за одну ручку.

Света обиделась, крепко дернула свою сумку за вторую ручку:

– Меня зовут Света.

– Светик. Свет души моей, Светлана. Идет. Вернее, тебе подходит это имя. Иван и Светлана – почувствуй, почувствуй, как они звучат рядом. Твердость и невесомость. Да, кстати, противоположности всегда притягиваются друг к другу. Пошли на перрон, а то здесь душно.

– Болтун! – Света заметила пустую скамейку недалеко от входа в вокзал, с которой только что поднялись две пожилые тетеньки. А под ярким фонарем возле скамейки сидела толстая рыжая кошка, поддевая лапкой падавших, шелестевших на земле крылатых жуков, попавших в очерченный желтый круг

– Светик, если я сейчас минут пять не посплю, то рухну прямо на рельсы, и будь, что будет. И болтаю, чтобы не уснуть. Ты меня покараулишь? Не бросишь? – Он вытянулся на скамейке, подложив под голову рюкзак, рядом со Светой, и через минуту заснул. Его лицо стало безмятежно спокойным.

Света мысленно провела пальцем, рисуя портрет незнакомца в фокусе сконцентрированных целенаправленных лучей электрического конуса, яркого в ночной темноте. Ничего особенного: худое лицо с выступающими немного скулами, нос с горбинкой, высокий потный лоб, слегка волнистые, густые, каштановые волосы, короткие мальчишеские ресницы, широкий властный подбородок с ямочкой посередине, тонкие сжатые губы, большой рот, большое ухо. Одной рукой он обнял рюкзак, и Света увидела на четырех пальцах наколку «Иван».

И, глядя на этого юношу, утонувшего на скамейке доверчиво в волнах нахлынувшего беспощадного сна, Свете захотелось вдруг оказаться на уютной нижней полке плацкартного вагона, на белой простыне, с мягкой подушкой под головой, со своей большой сумкой в багажном ящике.

А рядом сидел бы этот Иван на самом краешке скамьи и охранял ее, положив локти на столик, чтобы к ней никто не прикоснулся, не тронул даже пальцем. И тоже разглядел бы ее худое лицо, надутые во сне капризно изогнутые губы, густые черные ресницы, черные брови, как крылышки неведомой птицы, которые она никогда не выдергивала, нормальный нос, длинную челку. И, может быть, ему всерьез захочется ее поцеловать. А она ничего не почувствует, только во сне мягко коснется ладонью его рыжеватого чуба.

Поезд показался, издали сверкая прожекторами, как неизвестное сказочное чудовище, извиваясь навстречу вокзалу настороженным, громяющим на рельсах телом. Лавка мелко задрожала.

– Иван! Поезд! – Он дернулся, сел, опустив ноги на асфальт, не проснувшись до конца, весь еще в темноте зазеркалья, потянулся, вдруг притянул Свету уверенно к себе, сжал в кольцо своих рук и поцеловал в губы. Просто прикоснулся, а потом потребовал ответа, прилип, и Света ему ответила на вопрос шершавых обветренных губ, на какие-то доли секунды. И все – ока-

залась в плену первого поцелуя в крошечной темноте двух часов ночи, под куполом яркого электрического фонаря.

– Опоздаем! – Иван отпустил Свету, закинул рюкзак за плечи, одной ладонью схватил сумку, другой – Светину ладонь, и они побежали в конец поезда к своему общему вагону, вдоль металлического чудовища, подмигивающего им сонными, слабо освещенными квадратами зашторенных окон.

На их счастье оказалась свободной нижняя боковая полка и опять возле туалета.

– Светочка, ты ложись спать, а я своей спиной буду принимать удары двери от ног нетерпеливых пассажиров. Ведь я немного передремал.

Но, когда Света рано утром открыла глаза от резко вспыхнувшего света, она оказалась в крепком объятье тесно прижавшегося к ее телу Ивана, в кольце его рук, носом уткнувшись в его горячее плечо, на его большом рюкзаке. И его ладонь лежала на ее бедре.

Последний вагон мотало, точно его, как надоевший хвост, хотели оторвать, чтобы не тормозил. И дал возможность разогнавшемуся по равнине поезду подняться от привычной земли и воспарить над бурными своенравными речками, рождающимися в ледяных залежах под жгучими лучами близкого солнца, над распаханными и золотыми прямоугольниками убранных полей, над свободно разбежавшимися по зеленеющим склонам селениями.

– Света, спи, нас проводница разбудит. Я попросил, – но Света, покраснев, сбросила эту по-хозяйски прикасавшуюся к ней чужую мужскую руку

«Хорошо, что в спортивных брюках, – с запоздалым сожалением подумала она, – разлеглась, как дома, и потеряла всякий контроль над собой и ситуацией».

– Ты чего меня обнимаешь? Совсем обнаглел! – она легко толкнула парня, и он чуть не слетел с лавки, успев схватиться за ее руку:

– А я не обнимаю. Я просто за тебя держался. Ну, что ты так расстроилась. Да не прикасался я к тебе, честное слово, не беспокойся. Видишь, я тебя защищаю. И никто к тебе ночью не приставал. Все думают, что ты – моя девушка.

«Нужно было к проводнице пойти, попроситься к ней. Но хорошо, что все хорошо закончилось. Увидела бы моя мать, как ее доченька с чужим парнем на одной жесткой скамейке, на матрасе без простыни спала в обнимку, точно бы прибила».

Вышли из вагона на перрон, как не знакомые. Света сама тащила сумку на плече, прицепив широкий ремень. Небо было затянуто тучами, но на востоке узкая яркая полоска обещала скорый восход и жару. Пока же после духоты вагона обоих начала колотить дрожь. Света достала теплую вельветовую куртку. Сон прошел.

– Светик, мир! Ну, не обижайся на меня, ради бога! Ты мне, как младшая сестренка. Правда, я в семье – один ребенок. Я тебя и в походе буду оберегать, и, если хочешь, до дома обратно буду сопровождать. У тебя, когда ты заснула, было такое беззащитное детское личико. А я, дурак, к тебе с поцелуем полез. Прости, пожалуйста! Пошли, кофе выпьем и что-нибудь перехватим, а то нам еще на автобусе полдня трястись. Все, мир? Пошли.

В грязноватом привокзальном туалете, приводя себя в порядок, глядя в большое, с трещиной посередине зеркало, Света пожалела, что не сказала Ивану, что она вовсе не ребенок, что скоро, здесь, в походе ей исполнится девятнадцать, но эта суматошная ночь уже закончилась, а впереди ждала встреча с горами. И все остальное было совсем не важно.

Села в автобусе к окну, отодвинулась от Ивана, прижалась щекой к выгоревшей, сиреневатого цвета занавеске и заснула, стучаясь лбом о стекло, даже видела какие-то обрывки, проваливаясь в колодезь сна, но при этом ощущала все неровности дороги, толчки шин, которые амортизировала ее ладонь. А потом вдруг стало так уютно и комфортно на мягкой трикотажной куртке, которую Иван подsunул ей под щеку на своем плече.

Света сползла немного с сиденья, привалилась всей тяжестью тела к его руке и плечу и спала, иногда посапывая обиженно носом. И Иван, разглядывая ее, безмятежно спящую,

доверчиво прижавшуюся к нему, тоже удивлялся, как это судьба так неожиданно свела их на этой ночной станции.

И ему вновь захотелось почувствовать на своих губах мимолетный испуганный всплеск неожиданной близости этих не целованных Светиных губ.

Глава 3. Пробный поход

В дороге неожиданно догнал дождь, или поджидал их в котловине постепенно набегających возвышенностей, но от этой свежести воздуха, свалившейся вместе с грозовыми тучами и шквалами проливающейся влаги на зелень растительности и так в буйстве августовского расцвета, Свете все время хотелось спать. Она заставляла себя раскрыть веки, смотрела с трудом на плещущие по окнам автобуса волны, на грязевые бурные ручьи на дороге и опять закрывала глаза, прижимаясь к теплу плеча Ивана.

На автостанции Псебая сообщили страшную весть: вчера в три часа дня, когда началась гроза, из-за плохой видимости разбился АН-2, на который не достался билет Ивану. На этом самолете летели и разбились две девушки из Уфы. У них были путевки на маршрут Псебай – Красная Поляна.

Под навесом Свету, очнувшуюся, наконец, от сна, от холодных, совсем не летних брызг, от замерзших в промокших резиновых тапочках ног, от холодящего болоньевого плаща, начал трести озноб. И неожиданно Иван скомандовал:

– Давайте, девушка, переодевайтесь в сухие носки и сухую обувь, здесь мамы нет, и в походе на носилках вас никто не понесет. И быстренько, а то сейчас за нами автобус с турбазы придет.

В здании автовокзала, выполнив приказы Ивана, Света познакомилась с земляками. В возрасте где-то под сорок лет Петр Иванович и Маргарита Яковлевна были из Волгограда, с завода «Красный Октябрь». Они тоже приехали по «горящим» путевкам и опаздывали на день. Петр Иванович работал начальником прокатного цеха, а его жена – заведующей заводской столовой. Дети у них были уже взрослые, и Петр Иванович, служивший в юности на Урале, заразился горами, всю жизнь мечтал сходить пешком через горы, но волей судьбы так и просидел все отпуска на даче за Волгой. А тут предложили на юбилей две путевки, и жена согласилась, соблазнившись пребыванием после похода в течение недели на сочинском пляже. Хотя переход через перевалы смущал и настораживал, – вдруг окажется не под силу.

Оба в одинаковых синих спортивных костюмах, в прозрачных пластиковых плащах с капюшонами, в первую минуту они показались Свете такими пожилыми, даже старыми, что она всерьез подумала, а вдруг, кроме них с Иваном, будут одни пенсионеры? Но, когда разговорились, Света поняла, что Петр Иванович – немногословный юморист, рыбак, любитель футбола, не отказывающийся от выпивки, душа любой компании. По тому, как легко прикалывал Маргариту Яковлевну, было ясно, что он полностью привык ей подчиняться, и в то же время сохранял свою независимость и свободу действий.

На турбазе все разъяснилось. Группа, куда попала Света, сформировалась из двух регионов – Волгоградской области и города Уфа из Башкирии.

На общем сборе вечером Петра Ивановича единогласно избрали старостой. Да и выбора особенного не было: двое мужчин и семнадцать женщин. И две сгоревшие в самолете девочки тоже были из Уфы.

Второй мужчина был кучерявый симпатичный башкир, с изящной красавицей-женой с черными загадочными глазами. А остальные девчонки – с Волжского и Уфимского химкомбинатов. Еще были среди всех доярка, две продавщицы, медсестра, преподаватель английского языка из технического вуза, инженеры, экономисты и она, Света, студентка.

И с группой Ивана все было понятно сразу – студенты московских и ленинградских вузов. Иван сразу же растворился в своей среде, где было пять гитар в кожаных чехлах, девчонки – все в коротеньких разноцветных шортиках, открытых майках, без лифчиков, в фасонистых босоножках, несмотря на пронизывающий ледяной ветер с недалеких снежных гор.

А Света расстроилась – дома, в Волгограде на балконе осталась сушиться ее любимая трикотажная спортивная футболка «Локомотив» и прикольная бейсболка. И теперь по жаре в горы нужно было одевать только плотную рубашку с длинными рукавами.

И после ужина, когда на танцплощадке с лужами по периметру включили большой кассетный магнитофон, она с большим сожалением маленькими маникюрными ножницами отрезала подол своей батистовой ночной рубашки, подшила край, вставила метр пригладившейся тонкой резинки.

Девчонки убежали на танцы. Света примеряла с брюками новую кофточку с большим открытым на груди вырезом, с оборочками по краю, без рукавов, когда в дверь постучал Иван.

Он был такой привлекательный, заграничный – в импортных узких джинсах, белой трикотажной футболке, джинсовой куртке, с большим фотоаппаратом на ремне через плечо, с пушистым после душа чубом, зачесанным на лоб. И Света в своей самодельной кофточке почувствовала себя Золушкой на балу без своего парчового наряда.

– Ты чего прячешься? Пойдем, я тебя с нашей группой познакомлю. Мне уже кличку прилепили – «Старик». Представляешь, они студенты, а я – старик для них после армии, хотя уже в вузе восстановился. Ведут нас инструкторы по туризму – студенты из пединститута Майкопа подзарабатывают на каникулах. Будем идти с интервалом один километр. Сначала наша группа номер один, а ваша – номер два, за нами. А на кордонах будем жить все вместе. Готовить еду, спать. Света, а хочешь, я в вашу группу перейду? Мне Петр Иванович понравился.

– А у нас женская команда. Тебя девчонки Волжского сразу женят! – Света вдруг с ужасом почувствовала в своей интонации язвительные точки ворчливого жаргона своей матери, многоопытной проводницы. – А я тоже, между прочим, студентка второго курса Волгоградского пединститута. Будущая учительница физкультуры.

– Понятно, почему ты привыкла командовать! У вас там, в группе, наверное, одни парни? Студентка, спортсменка, комсомолка – пойдем, потанцуем! Завтра рано утром – пробный поход. Отбой, как в казарме, по расписанию. Но ты же выпалась в автобусе у меня на груди! И, знаешь, даже слегка похрапывала. Шучу, просто немного сопела.

И эта несуразная кофточка из ночной рубашки, и этот пижон с шикарным фотоаппаратом через плечо напоказ, и его приколы – все собралось в кучу. Света разозлилась, и вся несдержанность, невоспитанность, внешняя бравада городской девчонки выплеснулись наружу:

– Иди, танцуй со своими студентками в узких шортиках, из-под которых трусики выглядывают! Топай, топай, «Старик», а я лягу тут и дальше спать буду.

Она сорвала байковое одеяло со своей железной казарменной койки. Десяток точно таких же коек заполнял все пространство большого зала с разбросанными сумками, чемоданами, брошенными в беспорядке женскими вещами. Света в своей новой кофточке, вельветовых брюках легла спиной к Ивану, натянула одеяло на голову, чтобы не разреветься на его глазах от непонятной обиды.

– Ну, как знаешь! Спокойной ночи! – Иван закрыл за собой скрипучую дверь, а Света ударила больно кулаком по железной спинке кровати от злости на себя: «Думала, он тебя угоривать начнет? „Сомнения поубавить, – человек получится“, – вспомнила Света бабушкину мудрость. – Больше он ко мне не подойдет».

А утром на торжественной линейке возле деревянного забора из штaketника почтили минутой молчания не доехавших до этого похода несчастных девочек. Студенты видели в поселке трагические в своем безысходном горе фигуры родителей в черном. Но, когда пили традиционный компот, Петр Иванович всех рассмешил, выловив из стакана большую красную бусину на веревочке, которую всем показал и одел на шею со словами:

– Кто не будет слушать меня, того прикажу кинуть в быструю речку. Такое право дает мне этот амулет

И все, очнувшись, захлопали, а вокруг кучерявились омытые прошедшим дождем кусты и деревья. И долгожданное солнце уже позолотило небо на востоке, когда смеялись и шурились на кадрах вовремя подоспевшего фотографа. И Иван оказался рядом с Петром Ивановичем на фоне невысоких гор во втором отряде теперь уже с изменившимся соотношением – трое мужчин среди семнадцати улыбающихся и прекрасных, каждая по своему, девушек и женщин.

Вот эта непредсказуемость жизни, когда ты не знаешь, что тебя ждет через секунду, другую, полная загадочность существования, – это двигатель прогресса. Что подумаю, что сделаю, – как свободное плавание в невесомости, – делают нашу жизнь бесценной. А это не жизнь, когда все твоё существование расписано по годам, дням, секундам. Нам нужна полная неопределенность.

И чтобы светило солнце. И рядом улыбался, пусть даже только один час, несколько минут в сутки, твой лучший друг.

Все дорожные рытвины и канавы были доверху залиты водой, но дорожки из щебенки были чисты от грязи. И хотя Иван улыбался с перекрашенной перекистью яркой блондинкой, аппаратчицей Волжского химкомбината, Света была счастлива, когда он подтягивал ремни на рюкзаках у доброй половины жаждущих его внимания. И когда, проходя мимо, тихонечко, чтобы другие не услышали, сказал:

– Ну, что, выпалась, вредина? Из-за тебя я вчера весь вечер с парнями пил вино. Я с вами иду! Привыкай! С рюкзаком у тебя, я вижу, все нормально, Светик-Семицветик?

И Свете захотелось чмокнуть его в щеку просто за то, что был рядом.

Псебай – поселок, расположенный в живописной долине реки Малая Лаба, в окружении заповедного леса, гор, ручьев, озер и рек, на юго-восточной окраине Краснодарского края. В переводе с древнетюрского «псебай» означает «место, богатое водой».

Он лежит на высоте четыреста метров над уровнем моря. Климат в поселке предгорный, с умеренной влажностью. Здесь не бывает сильных ветров, а солнце светит сто восемьдесят дней в году. Летом на Псебае не жарко, температура не превышает плюс двадцать пять – двадцать семь градусов. Зимой столбик опускается до минус восьми градусов. Снег на горных склонах держится в течение четырех-шести месяцев.

В девятнадцатом веке Псебай был местом княжеской охоты. В 1862 году право на пользование угодьями приобрел великий князь Сергей Михайлович Романов, двоюродный брат Николая П. Он велел построить в Псебае охотничий домик и подсобные помещения для прислуги и содержания собак.

В Псебае находится управление Восточного кордона единственного на Кубани Кавказского биосферного заповедника. И двенадцать месяцев в году этот уникальный музей природы принимает туристов.

Эта уютная котловина с такими пологими, по-домашнему близкими вершинами, с обрывистыми склонами, издали зеленеющими полянами вековых лесов, встречающимися по дороге выше человеческого роста зарослями шуршащей крупными листьями уже без початков кукурузы, была дверью, за которой прятался неизведанный, таинственный мир высоченных гор, которую каждый мечтал поскорее открыть.

День разгулялся и как бы раздвоился. Первую половину шли по дороге, потом по тропинке вверх, купаясь в лучах солнца и хмелея в ожидании скорого праздника.

Его, солнца, было так много, оно вокруг, и ты в его заводи. Одни лучи упруго, как мячики, отскакивают от тебя, роятся вокруг, создают натянутую сетку, и тебе кажется, что ты с трудом пробираешься через эту мешанину снующих препятствий. Другие буравят все тело, захлестывают его, просачиваются через твои клетки, разгоняют кровь, и зажигают, включают невидимые моторчики бесплотной энергии, и заряжаешься на сумасшедшие поступки, на которые в реальной жизни без помощи солнца был бы не способен решиться.

И мы, осторожные существа, трусливо прячемся от этих выбросов энергии в застенки машин, комнат с кондиционерами, под тень деревьев, в прохладу рек и озер.

А солнце смеется над нашими глупыми потугами укрыться от галактического управления нами, возомнившими себя Гераклами сегодняшней жизни.

Проводник, мужик невысокого роста, жилистый, немногословный, перед обедом, после короткого, минут на пятнадцать перекура, вдруг свернул в сторону остроконечной скалы. Она маячила вроде невдалеке, загораживая край неба, но, до которой шли, уже заметно поднимаясь вверх по зеленеющему склону. Пока она не выросла угрюмо прямо перед ними с черной, обугленной, осыпавшейся щебнем и камнями гранитной стеной, с обгоревшими до черноты остатками кустарников и огромных деревьев в радиусе добрых пяти десятков метров. Это было место падения врезавшегося в скалу, потерявшего управление самолета. Аварии, произошедшей два дня назад, во время грозы.

На дороге в стороне стояли два милицейских «УАЗа». И все вокруг было усыпано осколками, обрывками вещей, деталями самолета, которые не успели сгореть дотла, а просто были залиты хлынувшим проливным дождем.

Милиционер, видимо, главный, требовательно махнул, чтобы группа остановилась. Проводник объявил привал, и они вместе с Петром Ивановичем пошли, оглядываясь по сторонам, к машинам.

Эта с закругленными краями, выгоревшая дотла поляна стала местом гибели двенадцати человек. Не спасся никто.

По краю, на зеленой траве были в ряд выложены собранные остатки вещей. Следовательно в штатском, вспотевший, уже немолодой, в очках, светлой парусиновой кепке и в рубашке с короткими рукавами, попросил:

– Товарищи! Я понимаю – у вас поход, но, может быть, вы поможете нам еще раз прочесать вот этот участок? – и он махнул рукой в направлении скалы. – И еще. У вас в группе есть две девушки, которые из Уфы до Краснодара летели вместе с погибшими. Мы их заберем на опознание. Поможете?

Когда Петр Иванович передал просьбу следователя, девчонки, как по команде, зарыдали в голос. Все женщины тоже прослезились. Девушек с рюкзаками посадили в милицескую машину, а вся группа смотрела, как осторожно, словно живая, эта машина спускалась по крутому склону. И вскоре сделалась похожей на спичечный коробок на фоне этого разбега вроде бы невысоких гор, заросших темной щетиной слившихся воедино деревьев.

– Светка, вот парадокс жизни! Здесь, на поляне, мог бы валяться мой разбитый фотоаппарат или мой не сгоревший ботинок! Представляешь, а я расстроился, что мне билет не достался, и пришлось на поезде добираться. Петр Иванович говорил, что в кустах нашли коробку с чайным сервизом, где все чашки были целые. От людей – одни сгоревшие фрагменты, а сервиз целый. Учительница везла дочери в подарок из краевого центра. И дождик, как заправский пожарный, все затушил. Грустное начало нашего восхождения. Лишь бы мать ничего не узнала, а то сразу сюда примчится.

Света, совершенно не подумав, что она делает, схватила обеими ладонями правую ладонь Ивана, крепко сжала, прижала к своей груди. Иван замер от неожиданности, услышав, как рядом с его пульсом взволнованно колотится на мягкой возвышенности девичьей груди чужое равнодушное сердечко.

– Иван! Это судьба! И теперь проживешь еще сто лет! Жалко всех. А поход у нас пройдет отлично, вот увидишь!

Иван левой рукой прижал Свету к себе, совершенно забыв, что они невольно оказались в кружке своего второго отряда:

– Значит, и наша встреча на вокзале – тоже судьба? – после этих слов Света очнулась, вырвалась из объятия, сдернула в растерянности свой рюкзак с плеч и опустила на зеленую, уже подсохшую землю:

– А, ну тебя! Все прикалываешь! – Иван сел рядом, но тотчас же возле них объявился Петр Иванович:

– Молодежь, никаких перекуров! Пошли работать!

Вся группа сложила рюкзаки в кучу. Иван молча пошел за Петром Ивановичем и проводником к скале.

Остатков вещей было мало: женский босоножек без пары, перочинный нож, женская хозяйственная сумка, пуговицы, кошелек. Основной поиск был накануне, когда привезли мужчин местного колхоза прямо с уборки урожая, пока комбайны простаивали в ожидании солнечной погоды.

А сейчас бродили маленькими группками по пепелищу, боясь остаться наедине с этими, застывшими в горе, остовами обугленных, черных, только позавчера устремленных к небу и солнцу жизнерадостных многометровых пихт

Особенного ничего не нашли, но в саже перемазались основательно. Проводник отвел группу к реке. Перекусили сухим пайком. Иван полез в холодную речку сполоснуться. Петр Иванович сначала отговаривал, потом махнул рукой:

– Заболеешь в походе, буду тебя лечить.

Вернулись в поселок, с удовольствием поужинали и отправились в поселковую общественную баню. Свете было жарко, и она не взяла с собой теплую кофту. В парилке долго орали песни, лили кипяток на раскаленные камни, брызгались холодной водой, так что местные жительницы с домашними тазиками терпеливо дожидались в узком длинном коридоре, когда уберутся эти бесшабашные приезжие.

Вечерний свежий ветер с гор прохватил и охладил разгоряченное тело. А, может быть, воды холодной из речки напилась без меры, а еще до этого были промокшие под ливнем кроссовки. Ночью зазнобило. Проснулась, как от толчка, – не хватает воздуха. Села на кровати и чуть не уплыла – закружилась голова. Легла, а зубы, как от испуга, начали выстукивать непонятную мелодию, все громче и решительнее. Закуталась в одеяло, но дрожь, как заразная болезнь, перескочила на руки, ноги, сотрясая все тело в лихорадочном, веселом танце. Зашуршала пакетом из рюкзака, отыскала крупные таблетки аспирина, чиркнула спичкой. Стуча стеклом, плеснула в стакан из графина воды, протолкнула в большое горло лошадиную дозу. Легла, продолжая трястись вместе с растянутыми пружинами скрипучей кровати, уговаривая себя успокоиться и заснуть.

Ночь уже улеглась основательно, и близкие звезды обнимали весь небосвод. Свету продолжало знобить под легким байковым одеялом, пока не сняла с соседней пустовавшей койки дополнительное одеяло, закуталась, через полчаса изошла липким потом и снова начала пылать.

Утром проснулась с резкой болью в горле, не могла говорить. За завтраком выпила еще одну таблетку аспирина, запила кружкой горячего кофе с цикорием.

После завтрака всех собрали по группам на инструктаж по технике безопасности и предупредили – в поход ничего лишнего не брать.

На складе выдали горные ботинки, штормовки, спальник с вкладышем, накидку целлофановую на себя и на рюкзак, коврик пластиковый, банки с тушенкой и сгущенкой, пачки сахара, шоколад, крупу, буханки хлеба. И когда Света сложила свои личные вещи и всю обязательную амуницию в армейский рюкзак отчима, попробовала его поднять, то поняла, что вчерашний утренний пробный поход – это легкая усмешка опытного альпиниста над новичком – схватил два килограмма на плечи и готов, как мотылек, порхать на солнце. А шестнадцать или

даже больше килограммов, и все время вверх, – вот, где познается сила духа, выносливость, спортивная злость и вера в себя. И еще – крепкая спина и отсутствие жалости к себе.

Петр Иванович стоял над душой:

– Девочки, все вещи в сумки. Их на автобусе до Красной Поляны в объезд гор повезут. Берите самое необходимое, а то в горах побросаете. А уж на море потом будете наряжаться

И некоторые не выдержали психологически, так же, как Света, примерив в комнате невозможно тяжелые рюкзаки. В горы отважились отправиться только двенадцать из семнадцати женщин и трое мужчин.

– Ну, что, Светик, выдержишь темп с таким грузом? Наложила, наверное, зеркал и бигуди? Валентина, сестра нашего инструктора Верочки, кстати, очень хорошенькие девчонки семнадцати и девятнадцати лет, как они сами сказали, призналась, что инструкторы специально идут не впереди группы, а сзади, чтобы собирать «урожай»: у них дома штук десять дорогих электрических бритв, художественной литературы – не счесть, халаты, босоножки, кошельки и всякая мелочь. Они на кордонах потом все это барахло оставляют, а после сезона забирают. Давай посмотрим, что еще вытащить можно, пока машина на Красную Поляну не ушла. Хотя я, если очень-очень попросишь, тебе помогу, в беде не брошу.

Света одной рукой еле-еле приподняла рюкзак Ивана, прошептала:

– А ты решил все свои модные вещи с собой нести, чтобы быть неотразимым перед девочками?

Иван обиделся, отобрал свой рюкзак:

– Света, не забывай, что у нас – все групповое снаряжение. Петр Иванович – кремень. Женщин жалеет, а мы тащим запасы продуктов на семь дней. У меня тут даже вилок капусты, зелень на супы, и картошки килограмма три. Так что, выючные ишачки, это мы – Игорь, Петр Иванович и я. А вдруг мы с тобой решим в горах свадьбу сыграть? Привезу из похода мамочке молодую жену. Согласна?

– Болтун! – Света покраснела. Рыться в рюкзаке, в личных вещах в присутствии Ивана было неудобно. Положила спортивные тапочки, тоненький альбом для рисования, толстый карандаш, еще одну пару носок, застегнула опустевшую легкую сумку, написала на картонке фамилию, имя и отнесла в автобус. Фамилия была матери, новая, по отчиму, как в путевке: Ковальчук Надежда. Когда приехала в Псебай, объяснила в конторе, что приехала вместо матери, которая заболела, показала паспорт. Махнули рукой: «Ладно. Самое главное, все печати на путевке в порядке. Да и путевка не «сгорела».

Иван пошел следом. На бирку он, конечно, не посмотрел.

– Пойдем, Светочка, побродим у реки, – он обнял ее за плечи, – со вчерашнего дня в себя прийти не могу, хожу, как ненормальный. Вот разбился бы на той поляне, и никого после меня не осталось бы, кроме матери. Тосковала бы по мне, да еще одноклассники на вечере встречи в школе меня бы вспомнили. Я после армии, точно старик, рядом с вами.

Света сдернула его руку со своего плеча:

– Иван, не хандри. Мы – друзья! – говорить могла уже с трудом, прошептала. – У меня парень в Волгограде. Понятно?

– Конечно, понятно! Недотрога! Все равно моей женой станешь, рано или поздно. Можно, я тебя один раз поцелую перед походом? А то на тропе будет не до поцелуев, – и он сжал неожиданно своими крепкими руками плечи, притянул к себе растерявшуюся Свету и поцеловал где-то в щеку, а потом в шею.

– Иван! – она вырвалась. – Твои шуточки переходят все границы. Ты приехал горами любоваться? Я тоже. Будем любоваться. А все остальное – глупости.

– Ладно, философ. Влюбишься – посмотрим, как запоешь, недотрога.

К ним подошел Петр Иванович:

– Иван, – Петр Иванович покачал головой, – придется эту девочку в медпункте оставить на пару-тройку дней. Вдруг на тропе свалится? Тогда будут проблемы для всей группы. Нужно идти к руководству.

– Миленький Петр Иванович! – слабым шепотом прохрипела Света, схватив Петра Ивановича за рукав. – Вчера в столовой повариха сказала мне, что горы лечат. У меня есть аспирин, я не буду пить холодную воду из реки, и все пройдет! Вот увидите, все будет нормально.

– Точно, Петр Иванович! Станет Свете плохо, я ее назад приведу. Тут же везде люди. И мы с ней поедем в Красную Поляну на автобусе. Или с другой группой пройдем перевал, – Свету поразила решимость Ивана пожертвовать походом, ради которого они и приехали сюда, в предгорье Кавказа.

Петр Иванович снял с затылка свою плетенную белую шляпу, в которой напоминал озабоченного отчетом бухгалтера, расчесал пятерней свои густые пока, с проседью темные волосы, и Света увидела, что он совсем еще не старый, а очень симпатичный сорокалетний мужчина, достаточно накаченный. И не случайно, наверное, его жена в самый последний момент, уже после завтрака отказалась от поездки на автобусе, а быстренько переоделась в спортивный костюм, чтобы идти с группой в горы.

– Ладно, идем, как планировали. Харчи уже получили, в журнале по технике безопасности все расписались, разрешение нам дали. С богом, ребятки!

Глава 4. Иван

Двадцать четыре километра от турбазы до кордона Черноречье проехали на обычной полуторке, сидя на лавочках, прибитых к бортам машины, которая поднималась в гору с натугой. Бесконечные ряды кукурузных зарослей и картофельных полей сменились обширными зеленеющими пастбищами, и фигурки пастухов без лошадей, овец и коров в удалении были, как игрушечные, на этих ярко-зеленых возвышенностях, сменяющихся набегающими, словно волны, зарослями орешников и каштанов.

– Интересно, бывают ли там грибы? – подумала Света. Голос совсем пропал, лицо горело, видимо, температура держалась.

Машина с первой группой ушла на час раньше. А Иван сидел у кабины в обнимку с инструктором Верой и ее младшей сестрой Валентиной. Такие уверенные в себе горянки из Майкопа – обе худощавые, плоские, с мальчишечьими фигурками и короткими стрижками, с расчесанными проборами, длинными челками до бровей. Особенно выделялась младшая своими упрямо сжатыми тонкими губами, карими выразительными глазами и особым, коричневым, южным загаром. В коротких белых полотняных шортах, белых обтягивающих майках, в красных бейсболках обе представляли резкий контраст с остальными девушками группы.

Они обнимали Ивана по очереди, прижимались голыми коленками к его ногам в спортивных брюках, и Свете стало ясно, что Иван уже утонул в их женской притягательности.

А эта бесконечная дорога не кончалась, все ближе подбираясь к отрогам неожиданных осыпей загадочных гор, и с каждым поворотом вдруг открывался новый, совершенно неожиданный пейзаж. И к этим переменам невозможно было привыкнуть. В голове шумело.

И тут Иван вдруг вырвался из кружка девчонок, снял с шеи фотоаппарат, точно схватился за него, как за спасательный круг:

– Девочки, такие кадры я не могу пропустить! – и он перебрался к левому борту, втиснулся на лавочке между бортом и Светой, прижался горячим бедром, боком, плечом к ее разгоряченному телу:

– Как твое горло? Говорить можешь?

Света отрицательно покачала головой.

– Давай, я тебя курткой укурю. Да ты вся горишь, девочка моя! – он губами прикоснулся к потному лбу. – У тебя температура, градусов тридцать восемь. Давай с машиной вернемся назад?

Иван обнял Свету за плечи:

– Держи фотоаппарат, а я сейчас фляжку с чаем достану. Светик, глотни еще аспирина, – он снял с плеча ремень с нагретой фляжкой.

Она послушно глотнула таблетку, на кочке, подпрыгнув, облилась чаем. Горячая жидкость побежала по горлу в широкий вырез новой кофточки, и тут Иван, наклонившись, поцеловал ее при всех в граничную точку между шеей и телом, а потом в ложбинку ключицы.

– Ты чего? – шепот ее оборвался кашлем.

– Заразиться хочу и твою температуру себе забрать.

Его карие глаза были рядом, серьезные, внимательные, в зрачках которых отразились она, борт машины, наваленные валом рюкзаки. И Света зарделась, потому что глаза – это свет души. А горячее тело рядом, словно потребовало ответа.

«Чертова температура», – ей казалось, что она плавится, как большая церковная свеча. Вокруг беспокойного огонька вдруг заплескалось образовавшееся озерцо обжигающей тяжелой жидкости, которая тут же застынет, пролившись, легкой, почти бесцветной новой кожицей.

И вот сейчас, через секунды, она, Света, стечет этой горячей жидкостью на колени, на спортивные тапочки Ивана.

И не станет этой большой, вредной, независимой Светки с ее любовью к спорту, с ее сомнением. А он соберет в ладонь мягкий кусок пролившегося воска и на берегу этой бушующей, своенравной реки, на солнышке слепит себе маленькую куколку с тоненькой талией, узкими плечами, волосами до пояса, с красивыми чертами лица, совсем не похожую на рослую, с длинными ногами, шириной плеч, с уже высокой грудью, Свету.

Машина остановилась у большого барачного вида дома со стенами из толстых плах, за которым диковато начинался лес с огромными пихтами. Под навесом стоял на вкопанных столбиках самодельный стол, накрытый простой светлой клеенкой с мелкими цветочками.

Двор был огорожен высоким деревянным забором. Протопанная дорожка сбегала к реке, которая шумела так уверенно, самостоятельно, и все вокруг вилось и жило вокруг этой могучей, своенравной воды.

За минуту разгрузили машину. Хозяин базы пригласил всех к столу:

– Моя жена вас сейчас борщом с говядиной накормит, а потом на неделю идите на свою тушенку!

Иван, оставив Свету, подошел и о чем-то пошептался с Петром Ивановичем, потом вернулся и потащил Свету к живописной группе мужчин:

– Вот она!

Хозяину кордона с лысоватой головой, высокому, кряжистому, на вид можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят лет, и рядом с цветущей красавицей килограммов на восемьдесят, с полными обнаженными руками, необъятной грудью, в простеньком легком платье, в синем переднике, он казался дедушкой.

– Девочка, покажи-ка, мне свой язычок. Да, ребята, ангина в чистом виде. Но девчонка крепкая Маршрут, я думаю, пройдет спокойно. Маша, завари травку с медом. Парень, отдай свою фляжку моей жене. Девочка пусть попьет микстуру сегодня – завтра и забудет про свое горло. Только горечь не выплевывай. А вот этой мазью на ночь ступни намажь. Да, не сама. Пусть вот этот паренек тебе своими крепкими пальцами, как следует вотрет, если хочет, чтобы ты ожила. Пойдемте обедать.

После наваристого борща со свежей капустой, кусочками золотистого перца и зелени на столах, а потом рисовой каши с изюмом, чая на травах с запахом цветущей мяты и двух глотков горечи из Ивановой фляжки Свете смертельно захотелось спать. Объявили перекур на полчаса перед выходом на маршрут.

Иван потащил Свету на берег. Сразу за забором среди утопанной высокой травы лежал высохший остов когда-то огромного дерева с отпиленной верхушкой. Эта своеобразная лавочка была недостижима для волн взбешенной реки. А она своими бурлящими водоворотами пыталась отгрызть у такого крепкого, упрямого берега хоть маленький кусочек, бросаясь, как разъяренное животное, на устоявшие в течение сотен лет гигантские валуны, взвизгивая и подпрыгивая до гордых и упрямых людей, на безопасной высоте подсмеивающихся над ее страшной беспощадностью.

Свете стало так уютно рядом с Иваном. От зрелища реки сон вдруг пропал. Брызги долетали до них, говорить Света не могла, и они сидели, с ужасом представляя, что будет, если вдруг с этой высоты ухнут в жестокую лавину разъяренной воды.

После перекура расселись опять вокруг теперь уже пустого, убранного стола, даже не веря, что может начаться другая жизнь, совершенно отличная от обычной до этого момента жизни на равнине, до старта пешеходного маршрута в горы.

Проводник Вера была немногословна:

– Мы вошли уже в грандиозное ущелье реки Малая Лаба. Это чистейшая горная река – левый приток Кубани – начинается на высоте 2401 метр с северных склонов перевала Аишко. И наш путь в этом походе будет проходить вдоль долины этой реки.

– Сейчас мы на отметке 810 метров над уровнем моря. Отметка конца маршрута 912 метров. Мы пройдем всего восемь километров. И дневной набор высоты всего 102 метра. Сегодня идти будет довольно легко, по грунтовой дороге с плавным набором высоты. Нам откроются великолепные виды на хребет Голый. Будем идти через буковый и пихтовый реликтовый лес. И погода сегодня отличная, – Вера первая надела большой альпинистский рюкзак, который возвышался на две головы над ее худенькими плечами.

Что-то, улыбаясь, сказала Ивану и Игорю, кучерявому башкиру, покачав отрицательно головой: «Сама донесу свой рюкзак, не в первый раз». И у Светы вдруг мелькнула трусливая мысль: «Может быть, пользуясь болезнью, остаться на берегу этой шумной реки, пожить у этих добрых людей на кордоне, издали полюбоваться поднимающимися на горизонте громадами таинственных гор, а Иван пусть и дальше улыбается с этими жилистыми проводниками, но без нее».

Но сама одновременно повязала свою белую медицинскую косынку, чтобы волосы не лезли в глаза, надела рюкзак, прихватила суковатую палку и пошла по дороге за Петром Ивановичем и его женой.

А за забором шум устремлявшейся им навстречу реки сделался таким оглушительным, словно, напрягая все свои частоты бушующей громады несущейся воды, она кричала им:

– Идите, идите, если не боитесь моей мощи, силы и коварства. Посмотрите мои владения, только не вставайте на моем пути. Никого не пожалею, не пощажу!

И Света ладонью, как за талисман, схватила за армейскую Иванову фляжку с горячей настойкой, пообещав мысленно реке ее не лишний раз не беспокоить, не злить и пить только успокоившуюся воду из закипевшего на костре котелка.

И, когда вошли под своды огромных замшелых деревьев, с вершинами, устремившимися в небо, сразу стало легче дышать. И ей, девчонке с равнинной степной местности, изрезанной оврагами и небольшими возвышенностями, заросшими редкими лесами, вдруг захотелось закричать от счастья, что судьба послала в ее раннюю молодость такой неожиданный подарок, заразив на всю непредсказуемую жизнь горной болезнью преклонения перед таинством заоблачной страны.

«Горы, что за магнетизм скрыт в вас! Какой символ спокойствия заключен в каждом сверкающем пике! Самые смелые легенды рождаются около гор, самые человеческие слова исходят на снежных высотах. Древность выдает нам свои тайны...» – писал Николай Рерих.

Ради этого стоило жить.

Рюкзак с непривычки никак не мог найти свое место на Светиной спине, куда-то съезжал, давил немилосердно на плечи, прижимая к земле. На коротком привале, глотнув терпимую горечь из фляжки, сама подтянула ремни.

«Главное, никто не лезет с разговорами. Чтобы не заразиться, держатся подальше в эйфории первого, пока неутомительного перехода. Грызут галетное печенье, не снимая рюкзаков по образцу проводников».

А кто сбросил, поторопившись, как Света, опять прилаживаются, приспособливаются, и груз кажется еще тяжелее.

Иван сидит, прислонившись рюкзаком к большому камню, с закрытыми глазами. И Света опять мысленно, как на перроне вокзала, рисует его портрет. Чтобы лучше запомнить: волевой подбородок с ямочкой посередине, большой рот с чувственными, крепко сжатыми губами, прямой с легкой горбинкой нос, слегка прищуренные глаза, когда смотрит прямо, не мигая, и свесившийся на лоб чуб темных волос под белой войлочной шапкой с широкими полями, как у горцев.

Этот человек за два дня стал родным, близким, будто знакомы всю жизнь.

И толпа девчонок, женщин, жаждущих внимания, помощи, поддержки от трех мужчин, двоих из которых опекают, охраняют недоверчивые жены, не позволяющие и останавливающие взглядами любое чужое движение в сторону их собственности.

И только один свободный, энергичный Иван, который сам по себе. И женщины не могут удержаться, даже напрягаясь под тяжестью рюкзака, чтобы не закинуть удочку проверки: «Чем я хуже других? А, может быть, все-таки лучше?»

И тут неожиданный выход на широкую поляну следующего кордона «Третья рота». Здесь уже суматоха еще не привыкшего к порядку шумного женского табора, разбавленного молодежью со студенческим задором первой группы.

На кордоне стоят просторные армейские палатки, в которых элементарные, алюминиевые, не новые раскладушки. Но, главное, не придется спать на жестких камнях. Рядом – большая удобная беседка.

День солнечный, но нет привычной, ужасающей, августовской жары степной Волгоградской области. И постоянный шум грохочущей в русле распадка реки. И, кажется, даже до палаток долетает взвесь и капельки снежной воды.

Света с девчонками буквально тонут, исчезают, приседают и прячутся друг от друга в высоченных зарослях нарядных папоротников, разводят руками ветви доисторических кустарников.

Здесь, действительно, можно поверить, что на Ивана Купалу один раз в год в глубине возле земли в ночной тиши запылывает, причудливо и неожиданно расцветший синим пламенем волшебный, колдовской цветок неземной красоты.

День в горах неожиданно быстро погас. И сразу опасно, жутко стало в очерченном костром круге обитаемой земли. А за спиной – чернота ночи. И сразу после ужина начались страшные рассказы про набеги горцев, гордых, похищенных пленницах, томящихся в заоблачных замках. И неожиданно близким и понятным стал Михаил Юрьевич Лермонтов с его «Беллой».

– Пойдем в палатку, я тебе ноги разотру, как дед сказал, – Иван возник из темноты, положил руку на Светино плечо.

– Давай мазь, сама натру, – она вздрогнула от звука своего вдруг прорезавшегося, пока хриплого голоса.

– Молчи, несчастная! Пошли в палатку, пока все собравшиеся на поляне группы перемешались и готовятся к вечернему концерту возле костра.

Иван посветил электрическим фонариком:

– Доставай чистые носки и сиди тихо, а то девчонки прибегут тебя спасать, заподозрив неладное.

Глаза постепенно привыкли к темноте, разбавленной отсветом большого костра на поляне. Проникший в затянутые марлей небольшие оконца и сдвинутый в сторону полог вместо двери, он осветил заправленные грубыми армейскими одеялами раскладушки, спальные, весь тот бедлам брошенных торопящимися на вечернюю встречу девчонками вещей.

Иван сдернул Светкины грязные носки и начал энергичными движениями массировать ступни, подошвы ног по очереди, втирая душистую мазь. Света боялась щекотки, но ладони были такими уверенно-сильными и мягкими одновременно, что она ойкнула в темноте только один раз.

Она закрыла глаза, и ей показалось, что это бабушка растирает ей ноги до колен, как в детстве, когда она весной, катаясь на льдине, ухнула в канаву с обжигающей водой по пояс. Мать была в рейсе, а бабушка отмокала ее в горячей ванне.

– Света, дай кусок мыла. Пойду свои и твои носки прополосну в речке. Может, на ветке к утру высохнут. И пойдем, у костра посидим, погреемся, туристка ты моя, безголовая, – но,

когда Иван вернулся с реки и посветил в темноте, он увидел, что Света уже заснула, может быть, во сне подпевая известным туристическим песням.

Если бы этот вечер повторился, случился сейчас, в новое время, с известной свободой взглядов современной молодежи, с их готовностью испытать счастье тотчас, сию минуту, не оглядываясь на приличия, разговоры, не откладывая ничего на потом, на завтра. Сейчас, а не двадцать шесть лет назад.

Утром Иван принес большую литровую кружку теплой воды к палатке, постучал большим булыжником о булыжник при входе в шатер:

– Света, выйди. Пойдем зубы чистить и горло полоскать.

– Иван, что ты меня нянчишь? Девчонки вчера начали про тебя расспрашивать. Говорят: «Классный у тебя брат!», – Света говорила с трудом. Было такое чувство, что еще маленький напряг, лишнее слово, и тоненькая миллиметровая кожа в горле, натянувшись, лопнет и наступит после резкой боли в горле постоянная немота, а кровь хлынет слабой струйкой по краю рта, как у смертельно раненых.

– Вот здорово, Светлана! Теперь я могу возле тебя постоянно находиться. Брат – он и в Африке брат. У меня, кстати, вчера вечером один земляк-студент тоже тобой интересовался. Жаль, говорит, что ты на танцах отсутствовала. Жаждет познакомиться. Надо тебе, Светочка, к сегодняшнему вечеру окончательно поправиться. И мне придется усилить наблюдение за тобой, сестренка, пока в горы не умыкнули.

Солнце, словно потягиваясь в одеяле мягких влажных облаков, лениво оглядывало невыразимо прекрасные окрестности.

– Светик, давай после маршрута поженимся и вернемся сюда. На работу устроимся, будем группы через перевал водить. Смотри, какая красота!

Света молчала, уже за короткое время привыкнув к немоте больного горла. Не удержалась, зачерпнула ладонями ледяной воды, умылась, растерла обожженное холодом лицо полотенцем, постояла на большом плоском валуне, еле удержавшись от желания шагнуть в ревущую, пенную, зеленоватую от склонившихся низко густых крон влажных деревьев воду.

Стало зябко от брызг, изморозью бьющих удобный валун. Иван протянул ей руку. Полотенце висело у него на шее. Все тело до пояса было красным от растираний. На груди кучерявились темные волосы.

Света отвернулась, внезапно смутившись, словно подглядела что-то личное, запретное, особенно после слов «вернемся сюда и поженимся».

Это стремительно сокращающееся расстояние между ними, какая-то теплота ожидания и расположения, когда вдруг возникала гулкая пустота, если его руки не касались ее рук, а взгляды обязательно должны были встретиться.

Эти сухие чистые носки, которые он утром засунул в задний карман ее рюкзака молча, не ожидая благодарности, уже при выходе на маршрут. А кружка с дедовым снадобьем, которую он нагрел на костре и принес в палатку после умывания? И девчонки сразу заверещали, будто к ним залез настоящий медведь.

А загадочно улыбающееся лицо Петра Ивановича у реки, когда обнял свою жену, брызнув перед этим холодной воды на плечо:

– Да, Маргарита Яковлевна, рядом с этими молодыми и мы скоро годков по десять сбросим, и будем, как когда-то, друг другу улыбаться.

«Жалеет меня, что заболела, – Света спрыгнула с влажного валуна на прибрежный валун, будто не увидела протянутой руки. – Хватит себе голову глупостями забивать. Твой Иван со всеми так улыбается. Вежливый, воспитанный мальчик. И спасибо ему большое за внимательность, но держись от него подальше, – вот и не будут глупые мысли цепляться».

Света почувствовала материны резкие нотки недовольства мужчинами, которых было всегда так много вокруг нее, но не было среди них по-настоящему близкого, родного.

Глава 5. Семья

Сестра матери, Наташа, родилась у бабушки перед войной, в 1940 году. Дед, Степан Иванович, был машинистом, водил составы через всю страну.

Накануне рождения дочери вместе с братьями на высокой гряде у железнодорожного поселка, прямо над проходившими по краю оврага железнодорожными путями построил небольшой домик из старых промасленных шпал.

После августовского расстрела города фашистскими бомбардировщиками бабушку с годовалой дочкой вывез прямо в кабине локомотива с одним узлом белья до Камышина отцов друг, которого через месяц убили прямым попаданием в воинский эшелон.

Бабушку пристроили разнорабочей в локомотивное депо, дали постоянный паек, а Наташу нянчили по очереди свободные от смены соседки, тоже эвакуированные из горящего Сталинграда.

После войны дед сам нашел их в Петров Вале и привез домой. И они были рады комнате в бараке.

Дед всю войну провел под бомбежками на прифронтовых железных дорогах, дважды был ранен. Осколки посекали голову, всю спину, но он никогда не жаловался.

И в свободное от рейсов время он начал один расчищать развалины сожженного дотла дома. На обоих братьев в семье пришли похоронки. Помощи ждать было не откуда. На старом фундаменте начал строить дом из саманного кирпича.

– Не бережешь ты себя, Степан! Кому твой дом на этой горе нужен будет, если тебя не станет? – ворчала бабушка.

– Не каркай, матушка, заранее! Поставлю, не хуже будет, чем довоенный. Выйдем с Наталкой, когда пассажирские будут идти вниз. Помашем добрым людям. А у нас на склоне огромная надпись из белых кирпичей: «Сталинград жив!». Приветствие города всем проезжающим!

Наталка умерла от скарлатины, а через год появилась Надежда, Светина мать.

Дом пришлось продать, когда деда не стало, – прободение язвы. Приступ случился в рейсе. Сделали операцию на станции, но было уже поздно.

Привезли такого смирного, спокойного. Лежал, точно радовался наступившему неожиданному отдыху, и лицо было немножко виноватое, что не успел кое-что по дому доделать: «Не управился. Вы уж не браните, милые женщины».

Бабушка, словно заledenела, тоже сделалась неживой. Вставала, когда звали, опять садилась на скамеечку рядом. Не рыдала, не падала, а просто сидела, не отводя глаз от лица, запоминала навек, или молча, без слов, разговаривала, прощалась.

На кладбище упала на холм свежей выкопанной земли и лежала, словно кончились у нее все физические и духовные силы. С трудом увели на поминальный обед. И там сидела, как чужая, вся в черном, потухшая навек женщина, обожженная горечью безмерной потери:

«Войну пережил, а в мирное время не спасли».

Купили землянку на станции Сталинград-2, поближе к центру, к работе, к школе.

Бабушка пошла в проводницы, точно не хотела жить в новом жилище, где все было чужим. Рвалась из стен на люди, в путь, в беспокойство дороги, где постоянный напряг, сон урывками, вечная канитель тушили тоску одиночества, незащищенность перед пустотой утраты.

Железнодорожные бараки и их землянку смахнули бульдозерами за три дня, предложив жильцам в ожидании квартир в новых многоэтажных домах, пожить год-полтора, где придется. И бабушке с дочкой Надей досталась комнатка в рабочем общежитии. Все согласились потерпеть.

Новый дом на пригорке над железнодорожными путями размахнули на целый квартал. И он вырастал такой светлый, с большими, распахнутыми на восток и на Волгу окнами и балконами так стремительно, что, когда было свободное время, все бегали смотреть, на сколько метров подросли внешние стены.

Надежда рисовала силуэты будущих платьев, и даже не было вопросов, куда после школы пойти учиться, – только в технологический техникум. Все было нормально, перешла на второй курс, и закрутил ей голову приезжий строитель с их же стройки. Умирала от неземной любви, летала над землей. Через полгода строитель уехал к своей жене в Ростов, а дите осталось в семье.

«Светочка! Светик, маленькая, светленькая, беззащитная безотцовщина».

Чтобы получить приличную квартиру в железнодорожном доме, на семейном совете решили, что Надежда тоже пойдет в проводницы, бросив техникум на третьем курсе. Было теперь не до будущих моделей роскошных платьев. Научилась шить, вышивать на машинке, и, Слава Богу, пригодится в жизни.

Уговорили тут же в общежитии пенсионерку Дарью, всю жизнь проработавшую обходчицей на трассе, чтобы присматривала за малышкой, пока обе – и мать, и бабушка – будут в рейсах.

Надежда попала на южное направление, очень удобное – днем отъезжали, сутки до Кисловодска, вечером – обратно, в обед на другой день уже дома. Потом отгулы. Бабушка была на дальних рейсах – до Новокузнецка, Челябинска.

И Света, когда подросла, после первой поездки с матерью летом несколько дней подряд потом всеми своими косточками ощущала неторопливый перестук колес на стыках рельсов и слышала призывные гудки.

Стройка дома затянулась на годы. И квартиру они получили, когда Свете исполнилось пять лет, и ее отдали в круглосуточный детский сад до школы. А потом бабушка ушла на пенсию, чтобы не бросать внучку на чужих людей.

Наконец, дом встретил своих жильцов. Им отломилась двухкомнатная квартира на четвертом этаже. И здесь тоже было, как в поезде.

На этой ветке в южном направлении, мимо дома поезда шли, как заведенные, с редкими интервалами, один за другим, переполненные пассажирами, круглый год, сменяясь эшелонами вагонов с лесом, цистернами с нефтью, газом.

Растянувшиеся на километр многотонные составы сотрясали все стены, и Свете иногда казалось, что скоро дому станет скучно на одном месте, и он соскочит ночью со своего фундамента и тоже помчится вслед за какими-нибудь привлекательными новенькими вагонами. И утром она не увидит своего привычного двора с уютной беседкой и качелями в молодых посадках гордых тополей.

Денег – пенсии бабушки и зарплаты проводницы – не хватало, и было решено сдавать спальню студентам. Сами ютились в большом зале – бабушка на железной скрипучей односпальной кровати, мать – на диване, Света – на раскладушке.

И, вообще, квартира напоминала плацкартный вагон – постоянное перемещение народа. Кто-то спит, как мать после рейса, кто-то пьет чай и варит на кухне, как бабушка, кто-то уткнулся в учебники (конечно, Света), или смотрят на кухне телевизор и болтают девчонки – студентки.

Этот вечный, шумный, цыганский табор приучил Свету ценить тишину.

У матери не было постоянного мужчины, она тосковала дома и рвалась в поездки, где была настоящей командиршей.

Каждое лето до первого сентября Света теперь отмеряла тысячи километров до Москвы и обратно, до Челябинска и дальше в Сибирь потому, что бабушка выходила на дополнительные рейсы, чтобы подработать.

Света привыкла не мешать матери в ее бессонные ночи, когда она выскакивала на коротких обязательных остановках, кочегарила печку, чтобы был постоянный кипяток, драила туалеты после неаккуратных пассажиров, разнимала пьяных, сажала безбилетников, быстренько отправляя их на вторые полки, за дополнительную умеренную плату. Как уважительно слушалась бригадиря поезда и умело договаривалась с контролерами. А Света считала бесконечные использованные наволочки, полотенца, простыни, чтобы опять мать не рыдала безутешно, если вдруг случались недостатки.

И снова память, как тяжелый ледоруб, впиваясь в крепость замерзшей воды на реке зимой, крошит под напряжением всех мышц сильных мужских рук постепенно сдающуюся твердыню, напонила минуты уже пролетевшего срока жизни. И отламываются светлые ледышки, и уходит гениальное изобретение – стальной винт – в глубину. И все прожитое теперь вспоминается, как в озерце отражаются бегущие облака, склонившиеся вершины берез, так ярко, светло и немножко печально.

Колеса выстукивали на рельсах свою мелодию – веселую, призывную, когда катились с пригорка; утомленно-натужную, если железнодорожный путь прокладывали когда-то, огибая небольшую возвышенность; привычно-неторопливую на равнине, монотонность которой даже бывалого машиниста укачивала за многочасовые перегоны.

Это пение рельсов звучало неотступно с раннего детства, стало привычным даже в тишине комнаты, когда не мелькали за окном постоянно меняющиеся пейзажи, а пытливо заглядывал терпеливый пирамидальный тополь, вымахавший до четвертого этажа.

– Мама, я сегодня опять куда-то мчалась на поезде. Потом остановка. Стою на каком-то разъезде, на зеленеющей, вытопанной траве среди шпал и рельсов, помогаю пассажирам снимать какие-то тяжелые чемоданы, сумки, пакеты, и вдруг поезд резко трогается. Постепенно набирает скорость, вагоны проплывают мимо. Нужно сделать усилие, схватиться за поручни, но подножка так высоко, колеса так быстро мелькают совсем рядом, и я застываю в растерянности возле этих сваленных вещей. А поезд машет мне прощально красными сигнальными огнями последнего вагона. Что это значит?

– Чертовщина какая-то, – мать могла бы выразиться и покрепче. У нее иногда вылетали бранные словечки, но она била себя больно ладонью по губам, морщилась и ворчала:

– Взяли тебя, идиотка, на приличный маршрут до Москвы, радоваться должна, а из тебя дурь многолетняя прет. С моими купейными пассажирами теперь надо уважительно: чирик-чирик, у-тю-тю, как с закормленными детишками. Вдруг обидится, что не так посмотрела, не так выразилась. Сразу из бригады вылетишь. А, вообще-то, сон тебе приснился обидный. У матери все в жизни мимо. И у бабушки – одни прочерки, ни счастья личного, ни любви неземной. Одна надежда, что тебе повезет, хоть немножко.

Света убежала тогда на занятия в спортивную школу и, сидя в громящем трамвае мимо поизношенных, послевоенных домиков, слепленных, из чего придется, представляла, как ей может повезти в жизни. Найдет большой кошелек с деньгами. Или объявится отец – строитель и увезет в Москву. Или она попадет вдруг в сборную страны по легкой атлетике и поедет на первенство Европы или мира. И пробежит лучше всех, и будет стоять на пьедестале почета рядом с чернокожими бегуньями, пусть даже на третьем, самом низком месте.

Но это было бы уже везением по-крупному. А тут, чтобы попасть на городские соревнования, нужно было «пахать», тренироваться на стадионе, как проклятой, забыв про пляж за Волгой, кинотеатры и прогулки с девочками по набережной.

Свету нельзя было назвать красавицей, но ее чистое, без прыщиков лицо, небольшой носик, сжатые твердо выразительные губы, карие, глубокие глаза в оперении черных мохнатых ресниц, темные, волнистые, с длинной челкой волосы до плеч, привлекали внимание при первой встрече.

И еще ее умение собраться на соревнованиях по легкой атлетике на старте, даже на школьном стадионе, и выложиться на финише, как штопор, взлетая над песчаным корытом, сжавшись в клубок энергии при прыжках, выбивая в десятку в школьном подвале тира.

Высокая, с длинными загорелыми ногами, привыкшая к шуму стадиона, не стесняющаяся коротких спортивных трусов, обтягивающей высокую грудь спортивной майки или футболки с логотипом, она была яркой болельщицей клуба «Локомотив».

И в педагогический институт на факультет физического воспитания со своими пачками грамот и квалификационных удостоверений поступила без проблем.

И вот зимой случилось ЧП – мать влюбилась! В декабре девчонкам – студенткам дали общежитие, и они, не скрывая радости, за один вечер перевезли все свои вещи на такси. А мать в свой выходной не поленилась съездить в пединститут к дежурному администратору и в толстую амбарную книгу черкнула: требуются квартирантки – две девочки с дневного отделения или серьезные студенты – заочники.

И за два дня до Нового года в обеденный перерыв, когда мать в кухне доваривала борщ, к ним в квартиру позвонил незнакомый мужчина. Ему, в его коротком зимнем пальто с цигейковым воротником, с лисьей самодельной шапкой было где-то за тридцать пять лет, и он переминался на пороге в серых фетровых сапогах, в которые были заправлены темные брюки. Весь его вид напоминал киношного барыгу. В руке мял листочек с адресом:

– Вот, мне дали в институте. Я заочник, приехал на сессию пораньше. Не все контрольные еще сделал. Возьмите меня к себе на квартиру.

Мать по привычке всегда на кухне повязывала косынку, чтобы не посеять волосы в стряпню. В ярком матерчатом фартуке, в косынке, с половником в руке она стояла перед мужчиной, наголову выше нее, и первой ее мыслью было:

– Нам в наше бабье царство только мужика не хватало.

Но незваный гость повел носом и вдруг удивил всегда настроенную против всех мужчин без разбора мать:

– Хороший дух от шей. Видимо, вы хорошая хозяйка!

И мать растаяла. Она сдернула косынку, торопясь, с трудом развязала узел на тесемках фартука, засуетилась, приглашая нового жильца пройти в зал.

Заочник сдернул свои фетровые сапоги и в самодельных, толстых, связанных из черной овечьей шерсти носках, подошел, растерянно улыбаясь, к столу в центре комнаты. Видимо, думал встретить шуструю старушку, сдававшую лишнюю жилплощадь. А перед ним стояла поджарая, с хорошо сохранившейся гибкой талией молодница лет сорока, с веселыми кудряшками химической завивки на голове, с небольшой грудью, выглядывающей незагорелой белизной из выреза легкой блузки, без лишнего веса:

– Обедать будете? – она ловко свернула парадную накрахмаленную скатерть, перенесла на подоконник белую вазу с искусственными цветами, застелила старый круглый стол новой зеленой клеенкой.

– Мы живем по-простому. Сейчас моя дочка из института придет. Давайте обедать.

Достала из сетки за форточкой кусок мороженого соленого сала, нарезала целую тарелку аппетитными ломтями, выставила огурчики и помидоры из закруток, слабосоленую капусту с морковной стружкой и семенами укропа. Нарезала крупными кольцами свежий лук, полила подсолнечным маслом, налила полные миски густого наваристого борща:

– Люблю, чтобы ложка стояла.

И когда Света вернулась домой, незнакомый мужчина и мать были уже хорошо навеселе. Графинчик с самогонкой, которую бабушка привозила из деревни на натиранья ног и спины, был на треть пуст.

– Света, ты ничего плохого не подумай. Михаил Иванович – человек непьющий. Мы всего по две стопочки выпили за знакомство и, чтобы сессию успешно сдал. Это наш новый квартирант.

И все, мать слетела с катушек. Когда вернулась из рейса бабушка, мать на ее упреки вдруг стала на колени возле стола, схватила и стала целовать бабушкины руки с набрякшими венами, сморщенной кожей:

– Мамочка, ради Христа! Не могу я сейчас его бросить, даже на день! Он – моя судьба. Я это с первой минуты почувствовала.

– А он тебя замуж звал? Нет, пока. Опять на уговоры поддаешься? Сколько раз у тебя любовь завязывалась? Но ты на одно место слабая. Как не устояла, и все, кончилась любовь. Что ты от меня хочешь? Из дома выпроводить в новогоднюю ночь в рейс вместо тебя? А Светку куда? С собой забрать на все праздники? Бедная девочка! Делай, как знаешь.

И ни свет, ни заря первого января довольная Света отправилась с бабушкой в праздничную Москву.

И жизнь закрутила такой кулек неожиданностей, какой всей семье и не снился. Уже первого февраля Михаил Иванович приехал за матерью, которая за один день успела рассчитаться на работе и получить деньги, собрать пока самое необходимое в два больших чемодана. Напуганная и счастливая, заплакала на пороге квартиры, обнимая бабушку и Свету:

– Простите меня, мои дорогие и хорошие, и постарайтесь понять.

А понимать было нечего. В районной школе Надежду Степановну с ее двумя курсами технологического техникума с радостью взяли на работу учительницей домоводства, и она поразила и учителей, и учеников своим удивительным рукоделием, замысловатыми тортами, которые пекли на уроках, и чародейские запахи от которых поднимались из кабинета домоводства. С первого дня посыпались заказы на пошив модных выходных платьев по выкройкам из столичных журналов.

И восьмого марта, в прекрасный морозный весенний день, Надежда вышла замуж, окончательно поменяв городскую беспокойную жизнь на тихую деревенскую, в большом заволжском селе. Бывшая жена Михаила Ивановича потребовала развода, когда спуталась с разведенным директором клуба три года назад, забрала девятилетнего сына и с новым мужем уехала на Дальний Восток.

И теперь в пустоте вдруг сделавшейся огромной квартиры Света с бабушкой, словно осиротели. Квартирантов решили не брать, обходиться пенсией и зарплатой бабушки, и студенческой стипендией Светланы. Перенесли телевизор из кухни в зал, бабушка перекочевала в спальную комнату. О матери вспоминали специально редко, боясь оглядеть ее такое неожиданное счастье.

Эта путевка на Кавказ свалилась на голову семьи случайно, как обвал лавин в горах от негромкого слова, случайно упавшего из-под ног камня, – стремительный, неудержимый, перерезающий, сметающий своим бешеным языком деревья, камни и успокаивающийся только в узкой горловине стремительной реки, встретившейся на дороге.

Света приехала в начале июля после сессии, думала поваляться на грязном песке дикого условного пляжа под тенью высоченных тополей бездумно и поближе посмотреть новую жизнь матери.

Накануне упивалась песнями Владимира Высоцкого. По телевизору снова показывали «Вертикаль», ночью приснилось – попала в метель, трудно дышать. Конечно, днем накануне в тени было почти сорок градусов. И сейчас ни ветерка, горячая постель. Вышла с раскладушкой в сад. Через двадцать минут вся искусанная комарами залезла под летний душ в загородке возле летней кухни. Вода была горячая, хоть бери мочалку, да и веничком можно пройтись.

Мазала слюнями укусы комаров на руках и ногах, вертелась в жарком мраке ночи. Под утро, когда потянуло свежестью, то ли заснула, то ли просто грезилась с закрытыми глазами,

взбивала подушку, вставала, пила теплую воду из-под крана, опять ложилась, но сна не было. А когда задремала под утро, где-то часов в девять ее растолкала мать:

– Светлана, вставай! Срочно идем в отдел культуры! Я жене заведующего Домом культуры сшила шикарное выходное платье для сцены, и она мне через мужа подарок сделала. У них пропадает профсоюзная путевка на Кавказ. «Горящая», понимаешь! Завтра нужно уже на месте быть. Если бы на море, то желающие сразу нашлись бы. А тут пешком по горам. У всех огороды, закрутки, компоты, варенья – какие тут горы! Светочка, мать твоя полстраны объездила, бабушка – вторую половину. Вот мои отпускные, собирайся на Кавказ. Путевка бесплатная, ее нам в школьный профсоюз передали, и она на меня выписана. Соврешь, что мать простудилась. Может быть, с кем приличным познакомишься, замуж выйдешь. А мы с Мишей целый месяц, как молодожены, поживем, без взрослой дочери под боком. Не обижайся, Светочка, но я ведь старше Михаила на целых пять лет. Знаешь, как мне обидно, когда он на твоих подруг тарашится. Сравнивает. Да и ты вон, как вымахала. Студентка моя, ненаглядная!

Света сразу почувствовала себя лишней в этом сельском доме отчима, когда приехала. Мать мечтала забеременеть и родить, но пока безуспешно. Она наряжалась в Светины шорты, носила тонкие блузки без лифчика. Постоянные клиентки, девочки из парикмахерской, сожгли ей все волосы химическими завивками. И эти кудельки перекрашенных волос злили Свету.

Ей хотелось снова видеть свою мамку громогласной, резкой, немного даже хулиганкой, когда она командовала в своем вагоне пассажирами, и все ее немного побаивались, как будто их сейчас уличат в отсутствии билетов, хотя приготовленные карточки смиренно лежали на крепко прикрученном к полу столике.

Избалованный блинчиками и пельменями Михаил раздобыл, разваливался после ужина без майки в старых потертых, застиранных, трикотажных брюках на горячем диване. И мать, сдернув красную в белый горошек косынку, то пыталась прилечь рядом с ним, прижимаясь плотно к его голому животу, то начинала делать массаж, оглаживая волосатую спину нежно, не обращая внимания на сидевшую в кресле Свету.

Свете не было здесь места. И не нужно было ей мчаться в эту деревенскую глухомань, где уже рано утром через открытое окошко, затянутое марлей, проникал, пропитывал все крахмальные занавески и салфеточки устойчивый запах свинарника, особенно, если поддувал северный теплый ветер.

Она промучилась почти весь месяц, все чаще ночуя у подружки, от которой вообще не было секретов. Днями валялись на песке и уходили с реки, когда становилось невмоготу от зноя даже в речной глубине, и можно было спокойно получить солнечный или тепловой удар.

И вдруг эта путевка. Спортивную сумку утрамбовала за пятнадцать минут. Отчим притащил из школы большой армейский рюкзак. Мать сунула метр белой резинки, на всякий случай, и новенький югославский раздельный купальник, который купила по великому благу на складе. Сумка получилась приличная по весу, но зато Света была рада, что прихватила в деревню батистовую новенькую ночную рубашку с оборочками вместо рукавчиков и вокруг шеи, выходное, из плотного шелка с вытканными розами на подоле платье и нарядные босоножки. Кепка и футболка остались в городе.

Пришлось взять простую белую косынку.

Успела на автобус, повезло с плакатным билетом на боковую полку внизу, у самого туалета. Но, когда вздохнула запах разогретого масла, горящего угля, услышала гомон переполненного вагона, – почувствовала себя дома.

Деньги мать зашила на пояс спортивных брюк, в которых было невыносимо жарко. И Света, стесняясь, легла лицом к проходу, спиной к окну, и всю ночь дверь беспокойно билась у ее ног, охраняя спрятанную материну зарплату, которую было приказано тратить по минимуму: только на обратный билет, фотографии и самые дешевые экскурсии.

Беспокойная жаркая ночь закончилась в Саратове. Выстояла три часа в бесконечной очереди и каким-то чудом сумела закомпостировать билет на поезд «Новокузнецк – Адлер». На остальные поезда билетов не было.

Глава 6. Горы

Чтобы любить горы, нужно родиться, жить в заоблачных высотах, впитать с молоком матери торжество рождения каждого дня и отсвет первых лучей солнца в сверкающих снежных вершинах, косматые клочья тумана над срывающимися в ущелья бесконечными ручейками и речками, жизненную силу деревьев – великанов, цепляющихся на вывернутых гранитных скалах за воздух.

Утром дежурные приготовили картошку с говяжьей тушенкой, пересолили немножко и переложили лаврового листа, и этот аппетитный, сытный запах остался возле балагана с натянутой парусиной вместо крыши, улегся в большую костровую яму, повис на густых пушистых нижних ветках вековых пихт. Света хотела помочь девочкам вымыть весь в саже закопченный котел, но Иван даже не подпустил ее к ледяной воде, отобрал и ее алюминиевую чашку:

– Нечего руки мочить, отошла от болезни, и, слава Богу! Держись от воды подальше!

И Света стала молча собирать мусор и забытые вещи: полотенце, влажные носки на кустах, кружки у костра, обрывки бумаг. И что ее поразило? Огромная мусорная куча пустой тары из-под вина, водки, дорогих коньяков. Неужели привычка отдыхать от работы – это обязательное распитие, даже в объятиях прекраснейших гор? Или своеобразная победа над собой, предпринятые потуги, физические нагрузки должны обязательно чередоваться расслаблением, плаванием в волнах слабости и призрачной легкости винного опьянения? Интересно, а до других кордонов тоже доносят в рюкзаках спиртные запасы? Но об этом решила особенно не распространяться. Пили ведь не в одиночку, под кустом, а в кругу своих сверстников. Интересно, а Иван был в их числе?

Солнце светит мягко, задерживаясь на вершинах близких к тропинке деревьев, или выглядывает из-за неизвестной горы, развесив вдалеке яркую корону безжалостных лучей, выхваченных, вырвавшихся из какой-то каменной западни.

Тропа поднимается в гору, и видны только пятки легко прыгающих, как козочки, девочек, но постепенно эта видимая легкость заменяется неторопливой поступью уставших ног.

С каждого поворота тропы открываются все время меняющиеся великолепные виды вокруг. Ущелье то расширяется до двухсот метров, и река мелеет, зеленая вода светлеет от склонившихся деревьев, пенится бурунами с белыми гребешками, обвиваясь вокруг каждого подводного валуна, приглашая перейти на другую сторону по влажным, гладким, обтеканым водой за сотни лет зеленовато-серым диким камням, и залезть в таинственную чащобу.

И все время такое впечатление, что кто-то оттуда, из-за деревьев наблюдает за тобой, причем чувствуешь взгляды не одних, а множества глаз. И не поймешь, но полумрак зарослей таит скрытую опасность, предупреждение, что из зеленой западни может прозвучать вдруг резкий хлопок выстрела.

К реке падают крутые скальные склоны, и в некоторых местах ущелье сужается до двадцати метров. Тропа, выбитая в склоне горы, иногда поднимается в гору, иногда спускается до самой воды, огибает нависшие карнизы и хаотичные нагромождения каменных глыб. Со скалы, выступающей на самом конце хребта, открывается изумительный вид на ущелье Лабы. Внизу громоздятся потрескавшиеся, обомшелые утесы. Далеко внизу пенится в тисках ущелья река, обрамленная темными пихтами, спускающимися местами к самой воде.

Света уже привыкла, что Иван шел вторым, за Валентиной, словно спешил запомнить маршрут, чтобы, в случае чего, самому пройти без помощи проводника.

Сейчас ни Ивана, ни Петра Ивановича ни впереди, ни сзади не было. Девчата медленно переставляли ноги, мысленно торопя обеденный привал. И, когда привал объявили, Света тоже почувствовала в икрах непривычное для тренированных ног напряжение. Рюкзаки положили

один за другим вдоль поднимающейся тропы, и они так сиротливо смотрели на уставших путников, словно опасались, что их здесь так и оставят, бросят на произвол судьбы.

Подъем становился все круче, ноги в резиновых тапочках стали соскальзывать с крупных камней, щебенка под ногами ощутимо врезалась в кожу через тонкую подошву. Света вытащила из рюкзака тяжелые горные ботинки, натянула на влажные носки:

«Лучше на ногах, чем на плечах», – подумала она, и тут появились все трое мужчин отряда. Лица у них были непроницаемо – загадочными, точно они только что просмотрели новый интересный фильм.

– Ну, что, Светик, скучала без меня? Чего ты ботинки натянула? Пейзаж вроде не меняется.

– А у тебя такой вид, как будто вы втроем у соседа ночью грушу обтрясли.

Иван схватил Свету за руку:

– Правда, так заметно? – он притянул ее к себе, задышал в ухо. – Мы форель в реке ловили. За это – бешеные штрафы. Ушли с первым отрядом. Рыба непуганая. Тут же заповедник. Чувствую себя преступником. Зачем, дурак, согласился? Романтика заела. Все, Светик, не отпускай меня от себя, а то в тюрьму сяду, безнадзорный.

Света рассмеялась радостно. В случае чего, отделается штрафом. А если бы неожиданное падение в воду с гряды осыпей, перелом руки или ноги и беспомощность? Здесь одному прыгать неловко, а если тащить носилки?

И вдруг солнце пропало. Черная, с какими-то седыми обрывками на краях, живая нахмурившаяся туча сердито завесила хребет – Малые Балканы. Напротив них, как створки ворот шлюза, стоящие в воде скалы Сергиева Вала – Шах – Гиреевские ворота, заволокло густым, даже не туманом, а дымной водяной завесой. И эта резкая смена солнечного радостного дня нахмуренными недовольными тучами, низко наползающими на вдруг пропавшие, невидимые вершины гор-великанов вокруг и впереди, закончилась снежной метелью.

Сначала посыпалась снежная крупа, потом на плечи упала снежная стружка, словно в тиши и глубине клубящейся в небе непогоды строгали на терке гигантское ледяное яблоко. А потом просто в застывшем послеобеденном сумраке спрятавшегося дня зашелестели крылья медленно наплывающего снежного потока.

Долетая до земли, он таял. Тропинка из голышей потемнела, заблестела вдруг огнями, проснувшись и превратившись в россыпь драгоценных камней, как галька возрождается у моря в соленой воде. Цветущие кустарники, ветви расцветшего над тропой кавказского рододендрона склонились под невесомыми снежными накидками, как в реверансе, перед испугом слетевшей с горы зимней непогоды.

И люди зашелестели штормовками, пластиковыми плащами, накидками, натянули капюшоны, отгородились от снега, забыли об окружающей красоте, заботясь о своих драгоценных персонах.

И Света поняла, что не зря тащила в рюкзаке тяжелые ботинки. Они, словно магниты, прилипали к тропе, а опустевший рюкзак без штормовки и ботинок стал почти невесомым.

Через полчаса снегопада пейзаж вокруг сменился, и остался только шум потревоженной снегопадом бешеной реки внизу, словно там, на стадионе водяных струй шел нешуточный матч, где вместо легких футбольных мячей летали огромные валуны.

Погода портилась на глазах. Она, точно мстила этим людям, мешая пролезть им по проложенным тропам, смывая начавшимся дождем следы тяжелых ботинок. Чтобы к утру здесь уже ничего не напоминало о неугомонных путешественниках, которым не сидится дома и не ложится на лежаках у ласкового синего моря.

Порывистый ветер все время поднимал плохо закрепленный целлофан, дождь бил по коленям, брюки намокли, вода сбегала на носки.

Стало холодно, потому что температура опустилась ниже нуля или всех плюсов, вместе взятых.

Было одно желание – попасть под крышу, чтобы укрыться от наступившей летом зимы.

Девчонки достали импортные японские зонтики, но через десять минут ветер вывернул тонкие спицы, и несколько бесполезных брошенных ярких юбочек разлеглись на булыжниках, как случайно занесенные дивные, заморские цветы.

– Давай руку! – Иван стоял на гряде, протягивая холодную мокрую руку, дернул вверх, обхватил за талию.

Они стояли над тропой, а впереди за непогодой темнели громады, над которыми небо было светлее. Там, далеко, было ясное солнце, внизу, чуть в стороне ярилась река, а впереди залитая дождем местность представляла широкую межгорную котловину, занятую когда-то, до 1864 года, черкесским племенем Умпыров.

Сейчас, на месте бывшего аулища стоит кордон Умпырь, где в этом месте в Малую Лабу впадают две реки.

В этой долине в пятидесятых годах был организован зубровый парк, где научные сотрудники и лесная охрана занимались восстановлением и разведением зубров. Постепенно зубры одичали, самостоятельно расселились почти на всей территории заповедника.

Кордон представлял просторный барак из досок с деревянной крышей. Внутри, в центре – большая, из красного кирпича, мазанная глиной печка. Говорят, кирпичи несли проводники из долины в рюкзаках. Вокруг печи – длинные ряды деревянных нар – топчанов на мощных обрубах вековых сосен. Такие же сосновые бревна поддерживали основательный потолок из черного рубероида. В бревна было вбито множество крупных гвоздей вместо крючков для штормовок, курток, плащей.

Первая группа немножко промокла, чуть-чуть не успели до дождя забраться под крышу, и теперь располагались сбоку на топчанах на ужин.

Игорь с женой и переодевшимися в сухую одежду девчонками из Уфы замахнулись на приготовление узбекского плова.

И такой гвалт, радостное кудахтанье разлетелось, что спаслись под надежной крышей, где пахнет тушенкой, кофе со сгущенкой, жареным луком, морковью и специями. Где сразу тридцать человек с холодными носами и руками что-то говорят, смеются, передеваются, трогают струны спасшихся гитар.

Иван схватил Светин рюкзак, положил рядом со своим, кинул на дощаной пол влажный целлофан:

– Снимай скорее свои мокрые брюки и кофту. Вот, надень, пожалуйста, – и он достал из своего совершенно сухого альпинистского рюкзака шикарный толстый свитер с норвежским орнаментом.

– Нет! – Света смутилась, а девчонки уставились на них в ожидании продолжения диалога.

– Мне его тетка подарила. Ни разу не надевал. И горло закрыто. Иди, скорее передевайся.

Угол был отгорожен старой плащ – палаткой, возле которой толпились несколько человек. Горло не болело, но во фляжке еще оставалось волшебное снадобье. Света села на топчан. В помещении уже немного надышали, но изо рта шел пока легкий пар. Было не жарко.

– Я тебя, что, силой должен заставлять передеваться? Надень свитер немедленно, – Иван потянул ее влажную кофту за рукав. – Если меня стесняешься, иди в угол к девчонкам.

Света взяла теплые гамаши, свитер Ивана, легкие сухие тапочки и послушно пошла в угол за плащ-палаткой, где свитер неожиданно выхватила Валентина, внимательно посмотрела на этикетку:

– Давай меняться! Я тебе новую штормовку, а ты мне – свитер. С твоим братом сама договорюсь, чтобы не выступал. Видишь, ты вся промокла. У тебя штормовка древняя, вся штопанная – перештопанная. Завтра опять в ней простынешь!

– Нет! – Свете захотелось плакать и крикнуть на весь балаган: «Что вы все ко мне цепились, что Иван брат? Он не брат, а хороший друг».

– Жадина! Ты знаешь, сколько настоящая штормовка стоит? Жаль, может быть, еще подумаешь? Хороший свитер, но явно не твой размер, – Валентина не отставала. «И не твой», – Света привыкла за эти дни больше молчать. И была рада. Сколько энергии выплескивается с потоком слов, иногда даже не успевших получить команду «добро» на существование от мозга. Просто плывут в пространстве пустые, как шелуха от подсолнечных семечек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.